

A young boy with short, reddish-brown hair stands in a lush, vibrant jungle. He is wearing a grey t-shirt and dark shorts, looking towards a magnificent, multi-tiered stone castle that appears to be floating in the air. The castle has many spires and arches, and is surrounded by dense green foliage and vines. In the background, there are blue mountains under a bright sky. The scene is framed by stone pillars on either side, suggesting the boy is looking out from a window or a balcony. The overall atmosphere is magical and adventurous.

Максим Цветков

**Дорога
домой
(повесть)**

Максим Цветков
Дорога домой (повесть)

«Автор»

2026

Цветков М. В.

Дорога домой (повесть) / М. В. Цветков — «Автор», 2026

Небольшая повесть о том, как может измениться жизнь именно в тот момент, когда ты окончательно перестал верить в чудеса, отрастил пузцо и научился заваривать чай по всем правилам. Феи, некроманты, мультивселенная - все это лишь часть сюрпризов, ожидающих сорокалетнего холостяка сразу за углом, нужно лишь открыть дверь. Хотя... достаточно будет и форточки. Тук-тук-тук...

© Цветков М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я В ТЕБЯ НЕ ВЕРЮ!	5
КАРТА ИЗ ИНЕЯ	7
ТИХИЙ ШЁПОТ СТАРОГО ДОМА	9
ОТКУДА РУКИ РАСТУТ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Максим Цветков

Дорога домой (повесть)

Я В ТЕБЯ НЕ ВЕРЮ!

Никогда еще предновогодняя суэта не была такой... Эээ... Размеренной? Несуетливой? Тягучей? Да уж нет! Скучной! И пора признаться хотя бы самому себе, что позади осталась та незримая черта, до которой ещё огоньки и разноцветные обёртки, конфеты и мандарины, ёлки и пузатый бородач в красном кафтане имели тонкий едва различимый, но оттого ещё более притягательный запах волшебства. А теперь всё! Финита!

«Всё, братец! Ты стар и зануден» – завариваю я по всем ста тридцати четырем правилам любовно и пристально выбранный, оцененный и переоцененный, возведенный в ранг «правильного», а затем и «истинного» дешёвый до безобразия (но это тайна) пуэр. «Стар и зануден! И, хотя до полтинника ещё дожить бы твоими темпами, а ты уже не веришь ни во что, даже в мандарины!» – уговариваю я себя не пытаться хотя бы удивиться первому снегу или какой иной диковинке для простачков. «Это хорошая квартира в отличном районе! Она достаточно однокомнатная для того, чтоб в ней случайно не завелась жена или какой, не приведи господь, кошка! А то и оба несчастья разом. Ха! Нет, брат, ты стал изощрён и опытен, тебя не проведёшь ни стрелками глаз, ни томным нежным вздохом, ни даже завтраком в постель, отглаженными рубашками и...» – здесь мысль вдруг теряется, запал выдыхается как новогодние пузырьки в фужере «Советского полусладкого» к обеду первого января, а густой увесистый аромат пуэра забирает всё внимание закоренелого Саратовского холостяка-чуть-за-сорок.

Мягкое кресло, клетчатый плед (Виктор Робертович, прости, я вырос!) и обволакивающий душу древесный землистый дух китайского сокровища в тонком фарфоре пиалы – вот и всё, что необходимо на этот вечер для «правильного» или даже «истинного» отдыха! А стука в окно быть не может! Не может, да. И можно не отвлекаться от... Да чёрт возьми! Ну не может раздаваться настойчивый, пусть и тихий, стук в окно восемнадцатого этажа!!! Любовно выбранного и признанного достаточно эстетически оправданным даже при внезапном отключении лифтов Восемнадцатого!!! этажа. Не может! Но...

В который момент я забыл, что мне не десять? Что я взрослый стокилограммовый дядька с густой сединой в редяющей шевелюре? Что мама уже как двадцать с хвостиком лет не спешит с работы домой, и не бояться я могу и без ее ободряющего тепла? В окно стучат. Это точно. Приехали!

На цыпочках вдоль стеночки до толстой и надежной блэкаут шторы, а дальше – выглядываю любопытным котом, молясь про себя всему и вся, чтоб ничего там не увидеть, или хотя бы не заметить. Но, если кто из высших сил меня и услышал, то мольбы мои встали в длинную очередь новогодних «я хочу!» и будут исполнены когда-то позже, когда уже не надо и даже не к месту вообще. А пока я заметил и даже увидел. Конечно, такого быть не может, так что окно я открыл совершенно безбоязненно, как кролик, идущий в пасть удава, врываясь в новый дивный яркий мир до срока наставшего слабоумия. Издавая чуть слышный звон, с крылышек сыплется золотая крупка волшебной пыльцы. Тело вполне человеческое, даром что с ладошку. Тугие сказочные кудряшки, но вот только почему-то каштановые, не светлые. Да, именно это смутило, остальное вполне вписывается в образ. А вот каштановые волосы нет. Чёрт знает что!

– Почему у тебя каштановые волосы?

– Я фея, меня сюда забро... Стоп! Что?! Почему волосы каштановые?! То есть тебе не интересно кто я, откуда здесь, каким чудом вообще существую? Тебя не смущает ничего в моём виде кроме цвета волос?

– Ну, ты знаешь, смущает. Смущает, конечно, но я не верю в фей, поэтому, в принципе, плевать. А вот волосы да, это неправильно, не канонично. Но ладно, если ты считаешь, что надо сначала задать какие-нито другие вопросы, так и ответ на них сразу, чтобы не тратить сил. Ты вон и так дрожишь. Замёрзла?

– Ну наконец-то! Да, замёрзла, знаешь ли! Эти лепесточки не греют в такую погоду, как ты наверняка можешь догадаться, от слова «совсем»! – и она расплакалась. Абсолютно обезоруживающе, стуча малюсенькими кулачками мне в плечо, звеня своими крылышками. Крошечное совершенно замёрзшее, дрожащее и всхлипывающее создание разрыдалось не в силах произнести больше не слова.

«Девочки» – думалось мне, пока Маргаритка (имя у неё такое) грелась, умастившись в складках пледа рядом с чайником. «И как с ней быть? А как теперь быть со мной? Что я завтра скажу заказчику? Простите, я не могу закончить наш с Вами проект, потому что сошел с ума? Нет, меня просто не поймут и потребуют перестать говорить глупости, а я не смогу, ведь я теперь сумасшедший и такова моя речь отныне» – бубнил я себе поднос, бессмысленно мечась по квартире в поисках... в поисках... А что я, собственно, ищу?!

– Человек, у тебя есть имя?

– Максим Валерич я...

– Максим Валерич, можно я у тебя переночую? А потом мы вместе придумаем, как вернуть меня назад. Да?

– А чем мне тебя кормить?

– У тебя может быть совершенно случайно есть мандарины? И шоколад!

– Есть, но я в них совершенно не верю.

– Зато я верю! Не переживай, Максим Валерич, моей веры на двоих с лихвой! Тащи их сюда, будем тренироваться!

КАРТА ИЗ ИНЕЯ

Мне неоднократно говорили, что я – зануда. Они пытались намекать мне, открывая форточку во время моего монолога, они просто переставали интересоваться моим мнением, или внезапно вспоминали про важные дела. Плевать. Я всего лишь выражал своё отношение к тому или иному событию, явлению, человеку, а они делали из этого целую трагедию. Подумаешь! Да, мне много чего не нравится. Имею право! Хотя, если говорить не о мелочных придирках, а о действительно глобальной нелюбви, то можно сказать, что больше всего в жизни я не люблю две вещи: когда меня будят и людей. Поэтому, думаю, несложно догадаться, что мой излюбленный подарок на случай, если придется участвовать в таком замечательном мероприятии как «Тайный Санта» – будильник!

Сейчас моя нелюбовь к людям пасовала перед очевидным фактом «Фея – не человек, во всяком случае она – не Homo Sapiens». И это полбеды, но моя нелюбовь к насильственным побудкам сникла и утратила весь пыл просто на основании симпатии к этой маленькой занозе! Как так?! Я даже разозлиться как следует не могу. Обидно и непонятно, что делать в такой двусмысленной ситуации. В общем, пришлось с видом мученика вставать, чистить зубы, варить кофе и пить его. И всё это под неутрахающий звон крылышек, переливы феячей болтовни обо всем в мире разом, и конечно же под неотрывным взглядом изумрудных глаз, полыхающих адской смесью любопытства, лукавства и коварства! Хоспади! Да где же я так наследил?! За что, а?

– Че-ло-век! Человек! Челове-е-е-к! Человек, ты должен мне помочь! У нас О-о-о-о-очень мало времени! Человек! Максим Валерич. А? Ну Макси-и-им Валерич?! – мелкое недоразумение разодетое во что-то фантазийное, пошитое из лепестков растения не вянущего, но и не греющего, выписывало круги надо мной и вокруг меня, не оставляя шансов сосредоточиться и прийти хоть к какому-нибудь решению, или, на худой конец, выводу. Всё же я собрал всю свою волю в кулак и стукнул им по столу. Фею дуло, она смешно застрекотала крылышками, тормозя неконтролируемый полет в сумасбродном пируэте.

– Человек!

– Фея!

– Меня зовут Маргаритка, человек!

– А меня – Максим Валерич, фея!

Она надула губки, сложила ручки на гневно вздымающейся и опадающей груди и уставилась на меня искрящимися от недовольства изумрудами глаз. Всё бы ничего, девочка же, но она точно, в копеечку отзеркалила мою позу. Так что через одиннадцать секунд злобного сопения мы уже смеялись, капитулируя перед комичностью пантомимы.

– Что тебе надо, неугомонная? Я только встал, и то твоими стараниями, а так спал бы себе и спал в свой законный выходной. Что ты зудишь без остановки?! Как я тебе помогу? Мне за сорок, и для Питера Пена у меня перевес втрое! Последний раз я ездил в путешествие с родителями. Но это было двадцать пять лет назад и по принуждению. Так что повторяю свой вопрос: «Чего тебе надобно?».

У нее намокли глаза. «Боже! Нет!» – я уже собрался успокаивать несчастную летунью и искать какие-то нелепые на фоне её трагедии отмазки, когда она подлетела вплотную к моему лицу и обняла своими удивительно тёплыми ручками мой нос. Я замер, а она стала гладить меня и всхлипывать на разные лады что-то успокоительно-ласкательное.

– Бедный-бедный Максим Валерич! Бедный ты мой несчастный человечушка! Да как же так на твою долю не выпало ничего-ничегошеньки интересенького совсем-пресовсем?! Мы что-нибудь сделаем, мы придумаем что-то! Я обещаю тебе, Максим Валерич! Я тебе клянусь, мы тебя из этой беды выудим уж как-никак!

Прозвенев свою клятву, Маргаритка взметнулась под потолок и с силой встряхнула крыльшками у меня над головой. Золотая пыльца, сияя и сверкая волшебной иллюминацией, стала осыпаться неспешно, накрыв меня пологом небывалой, невозможной тишины и кристальной ясности. Мир вокруг замер! Замерло и моё тело, и все процессы в нём, замерли мои мысли, а в движение пришли чувства. Я ощутил тревогу за маленькое сказочное существо, злой волей переброшенное в наш лишённый магии сиротливый мир, ощутил её тревогу за меня, не видящего жизни за пеленой скуки, тоски и одиночества. В меня втекло забытое чувство приключения, я вспомнил его, вспомнил, как огненной струёй разливается по венам азарт первопроходца, когда осознанным усилием воли перешагиваешь ту границу, дальше которой ещё ни разу в жизни не ходил. Мне тут же стало обидно от осознания себя Сэмуайзом Гэмджи, а вовсе не отважными Пиппином и Мерри, или ответственным за весь подлунный мир Фродо Бэггинсом. А потом мне стало жалко себя. Не своей никчёмной жизни, не своей пустой и одинокой напичканной дорогими безделушками квартиры, а именно себя, Максима, того парня, что умел когда-то уходить в невозвратные дали и возвращаться героем под вечер.

А потом замерло всё вообще, и во всеобъемлющей космической тишине я явственно слышал хруст, с которым обычно замерзает в стакане вода. Хруст с перезвоном был хрустелен и узорчат, я слышал его и не мог не благоговеть. Последней точкой прозвучало так, как если бы серебряной иголочкой тюкнули по изукрашенному морозом стеклу и сбежали. А потом раздалось вселенское «Кхм-кхм... Именем моим, клятва принята! Да будет так!». «Так-так-так-так» – вторил какой-то механизм, – «Такх-такх-такх-така-така-такх-х-хррр...». А потом мыльный пузырь золотой тишины лопнул, и я снова стал собой.

Вот только стал ли? Я не мог не признавать того, что пережил. Утратил способность отгородиться и не видеть. И я видел. Мои глаза видели узор во все стёкла балконной группы. Маргаритка мельтешила вокруг и призывно семафорила мне. Что делать? Я встал и подошёл к окну, разглядывая искусно выписанную карту, где явно различимы были пригороды Саратова, но с какими-то совершенно невозможными здесь, на Средней Волге, формами рельефа. Горы и провалы, пики и каньоны, болота и мощёные по ним гати вели к трём точкам Перехода – ВРАТАМ! Я не знаю, что такое «точки Перехода» и «Врата», но знаю, что на карте именно они. И это пугает до дрожи.

– Что это, Мар?

– Нам туда... – её голос точно так же дрожал, она боялась и это придавало мне сил хотя бы не упасть в обморок, – Это проколы. Из них в твой мир врываются потоки магии, на одном из них меня сюда и зашвырнуло. Так что, думаю, я тут не единственное магическое существо. Твой мир надо спасти, Максим Валерич. Твой мир, а не меня вовсе! Я помогу. Не бойся, мой хороший! Я помогу!

– Я и не боюсь, – кое-как унял я кастаньеты у себя во рту, – что нам надо делать? Может быть, позвоним в полицию, пожарным, МЧС? Может просто уедем отсюда? У меня есть деньги. Надо лететь подальше просто. На Бали! А? – я с надеждой посмотрел на фею, но она отрицательно покачала головой, вызывая во моем сердце предательский трепет и стыд, и страх, и отвлечение к самому себе.

– Нет, Максим Валерич. Нельзя убежать от извержения вулкана, если оно застало тебя спящим в тепле у самого жерла. Нам придётся драться! – она воздела к потолку сжатый кулачок, а я, утратив стержень, рухнул в кресло, вмиг ставшее чужим и неудобным, и, уставившись в потолок, жалко и обиженно заскулил. Но мне уже не было стыдно за это, я просто прощался со всем, что мне втайне так осточертело – со своей размеренной нежизнью.

ТИХИЙ ШЁПОТ СТАРОГО ДОМА

Этот мир-без-магии ужасен! Он пьёт из меня жизнь по капле, высасывает сквозь плотную кристаллическую структуру. Она хрустит как молодой ледок под лапищей пещерного тролля! Я чувствую, как перенапряжены каналы манноводы внутри моего безупречного тела. И вроде бы, да кто я такой, чтобы скулить и жаловаться на судьбу? Кристалл души. Всего-то каменюка. Да, во мне есть душа, но это не моя душа, я – лишь хранилище. Как может хранилище страдать от истощения. Судьба хранилища отслужить свой срок и, вернув содержимое невредимым хозяину, ненужной сброшенной по линьке шкуркой отправиться в небытие, на прокорм Хаосу. Но я страдаю. Мне больно. Я чувствую, что жизнь моя, коей и быть-то не положено, исходит на нет. О, Вечность! Услышь мой вопль! К тебе взываю, не погуби...

– Маргаритка, ты это слышишь?

– Да. И этого не может быть.

– Ну, знаешь ли, милая, тебя тоже не может быть. Однако же вот, погляди на меня. Я оделся в этот дурацкий спортивный костюм с этими идиотскими берцами и тащусь по грязному снежному месиву с туристическим рюкзаком за спиной чёрт знает куда, лелея фею в литровой банке из-под огурцов за пазухой! Так что может быть вообще всё, что угодно, уж если это может, поверь мне.

Мелкая заноза, а именно так про себя я стал называть мою мучительницу, пришипилась, прекратив даже звенеть крылышками. Надулась теперь, наверное, и думает про меня какие-нибудь непечатности. Ну и пусть. У меня вообще есть сильное желание дойти до ближайшей Точки Перехода, и зашвырнуть фею во Врата, и больше никогда не видеть.

Как бы там ни было на самом деле, но в моей голове гулким набатом гудит единственная мысль: «Это всё из-за неё!». И вроде я понимаю, что всё не так. И вроде мозг пытается ещё смириться с навалившимися чудесами, а сердце ликует от негаданно привалившей удачи пожить в полную силу. Но есть же и привычки, и многолетняя память, образование, воспитание, предрассудки наконец! И вот это всё, что после «но», вопиёт о справедливости и воздаянии, назначая на парадную роль ведьмы на костре мелкое искреннее и до безобразия отважное недоразумение из бабушкиных сказок. Стыдно и больно, Максим Валерич, а ничего не поделаешь, кто-то должен быть виноватым. Ну хотя б побыть. Пока.

– Ему больно. Мы должны помочь. Иначе бессмысленно всё. Избирательная справедливость – путь Хаоса, – голос феи из банки звучал особенно комично, однако почему-то никакого желания смеяться у меня не было.

– Кому?

– Тому, кто просит о помощи, конечно! – так и вижу, как она упитает кулачки в бока, принимая позу сахарницы и морщит недовольно носик. Вроде знаю её всего ничего, а словно бы и всю жизнь уже.

– Где он, этот страдающий незнакомец?

– Дай посмотреть.

Я вытащил банку из-за пазухи и в густом сумраке ненастного дня она засветилась новогодним фонариком. Я опасливо заозирался, однако никого вокруг как не было, так и нет, и я стал медленно поворачиваться вкруг себя, демонстрируя фее неприглядный урбанистический антураж хмурого городского декабря.

– Нам туда! – уверенным тоном заключила она и ткнула пальчиком в полуразваленную двухэтажную заброшку.

– М-да... Кто б сомневался.

Убрав пассажира обратно в тепло, бережно копиное моим телом под новенькой туристической паркой (специально пошел ведь и купил!), я отправился к указанным руинам. Сейчас таких много в городе. Застройка старого центра и его ближайших окрестностей отвоёвывает последние пяточки частного сектора, и вековые дома случайно сгорают от непредвиденных обстоятельств с завидным постоянством.

Второй этаж был деревянным и выгорел почти без остатка, заодно завалив горелыми балками, шифоньерами да матрацами кирпичный колодец первого этажа. Бездомные повыващили с погорелья кое-какой металл, так что внутри проявились своего рода тропинки. По ним мне и предстояло пробалансировать в поисках... Чего?

– Здесь нет никого.

– Но ты же слышишь его! Он страдает так громко, что ты не можешь не слышать!

– Не могу, факт. Но здесь никого нет. Может нам просто помнилось?

– Пусти!

Я расстегнул ворот парки, и фея выпорхнула наружу, презрев и «минус три с небольшим ветром» и мелкий премерзкий снежок, сыплющийся, казалось, в самую душу. Она светляком облетела развалины и, поднявшись метра на три вверх, полыхающим стрижем рванулась к самой большой груде хлама и скрылась в её смердящих гарью, прелью и гнилью глубинах.

Я успел начать волноваться и даже подошёл к завалу, когда оттуда вылетело перемазанное с ног до головы в черный верещащее нечто и, подлетев к моему носу вплотную, окатило волной аромата бездомной жизни и нетерпящего препирательства ультразвука: «Копай! Человек, копай скорее! Он там и он погибает... Бедный... Копай скорее, Максим Валерич, миленький... Да не стой же ты столбом! Копай!». И я стал копать, плюнув на все глупые предрассудки. Он же, блин, страдает!

«Храни Вас Сила...» – еле слышный голос прозвучал у меня в голове и смолк. Правда прозвучал он не последним аккордом лебединой песни, но успокоенным шепотом спасённого. Может и вправду спасли.

Кристалл! Синий как морская глубина. Доводилось мне как-то совершать погружение над глубиной в четыре тысячи метров. Я не смог. Такой ужас охватил от этой бездны, что я рванул на поверхность к солнцу, выбрался на палубу яхты и надышаться не мог. Вот и здесь такая же глубина. Тот же оттенок невозвратной дали, привкус вечности на губах. А внутри, где-то бесконечно далеко в сердцевине этого огромного с кулак размером сапфира туго скрученное бьётся-беснуется пламя.

– Это камень души. Кто-то убил могучее создание, но его душа была достаточно сильна, чтобы не раствориться в Вечности, а кристаллизироваться, закуклиться и попробовать переждать, дожидаться возрождения. Но здесь ему не выжить. Мир-без-магии тянет из кристалла силу, постепенно лишая душу шанса.

– И что с ним делать?

– Возьмём с собой. Всё равно наш путь лежит за. А там и магия. Отживеет.

– Так кто с нами говорил, кристалл или душа в нём?

– Кристалл. Сейчас он носитель души, он живой и обладает крохами талантов того, кто переживает в нём собственную гибель.

– И кто это?

– Не знаю, и даже не уверена, что нам стоит это узнавать или присутствовать при возрождении. Поверь мне, это не то, что нам сейчас надо.

– Так может мы его...

– Нет! Хватит трусить! Ты ведь не такой...

– Э-эх-х... Не такой. Ладно, пойдём, темнеет быстро.

ОТКУДА РУКИ РАСТУТ

– Я не узнаю этих мест, хотя вот только месяц тому здесь бывал, да и позже – тоже. Здесь была асфальтовая дорога, магистральный трубопровод, обширная промзона в картинном запустении, потом кладбище ещё... Но не было выхода скальных пород и вот этого вот... что это, кстати? – я пнул ногой растение. Растение! Зимой! Растение, ни то растущее на глазах, ни то просто шевелящееся.

– Не знаю, но лучше бы не трогать лишний раз, – я отшатнулся, а фея залилась смехом, но тут же утихла, как выключили, – эти ворота не в мой мир, здесь всё чужое и недоброе. И знаешь, как я понимаю, в мой мир напрямую нам не попасть. Так что двигаемся, куда карта ведёт.

А карта действительно вела. Но это обстоятельство требует отдельного осмысления и, кажется, именно для него и пришло теперь время. Пока что вокруг всё спокойно, если не считать совершенно невообразимое в здравом уме и трезвой памяти прорастание куска иномирного пространства там, где ещё вчера вечером были окрестности крупного нефтеперерабатывающего завода, изобилующие советской промзастройкой и постсоветским запустением. И пока оно всё ещё спокойно, мне очень хочется побыть в себе. Это успокаивает, примиряет немного с безобразием, в которое превратилась моя унылая жизнь в привычном до рвоты старом центре города на Волге.

Кристалл, спасённый нами от неминуемой гибели, по настоянию Маргаритки был плотно многослойно завернут в мою сменную одежду и воцарился в основном отделении рюкзака, вытеснив галеты, флягу с водой и ноутбук. Про ноут фея вообще отдельно высказалась так, что и повторять стыдно. Ну да, не подумал, что в мире магии розеток не будет, что ж, проникся, учёл. Не учёл я лишь того, что, отогревшись и почуяв шанс на жизнь, кристалл начнёт вторгаться в мою голову и наводить там свои порядки.

«Кто ты, спаситель?» – гулко раздалось в моей голове, и я аж споткнулся от неожиданности. Учитывая, что в этот момент фея из-за пазухи вела свой бесконечный пересказ всех-всех-всех событий, которые только затронули её трепетную душу за последние лет сто, мозг мой сдал и я встал как вкопанный. Достав банку с неугомонной летуньей и свёрток с кристаллом, я пригрозил моим незванным пассажирам оставить их вот прямо тут, и пусть говорят друг с другом пока не кончатся, а я доживу свои последние дни апокалипсиса в тишине и уединении, как, собственно, и привык. Фея, словно очнулась, посерьёзнела и попросила меня о разговоре с глазу на глаз, так что, взяв банку и оставив кристалл в рюкзаке под густым даже без листьев кустом, я с нарастающим чувством безысходности отошёл на десяток метров в сторону.

– Человек, нам надо назад. То, что живёт в кристалле, слишком сильно. Оно возьмёт нас без усилий и будет распоряжаться, как вздумается.

– Так может всё же...

– Нет, безумный! Хочешь не только смерти лютой, но ещё и без посмертия?! – Меня встряхнуло как от электротока, а фея продолжила, как ни в чём не бывало, – У тебя дома мы сделаем щит. Я всё обдумала.

– Когда только успела, – засмеялся я, точно зная, что смеюсь не к месту и не вовремя, да и не своей волей даже похоже, – Ты ж языком молотила без устали!

– Вот! Видишь? Оно тебя держит крепко уже. Пойдём. Там рука Творца стекла касалась, там оно власть утратит, а ты щит создашь.

– А этого куда?

– С собой возьмём. Но я тебя попрошу сейчас, а ты не спорь! Пока идти будем рассказывай мне что угодно и меня не слушай, просто говори о том, что тебе вспомнить приятно. Понял?

– Вроде.

– Так начинай рассказ, и потопали.

И я начал, и мы потопали. Действительно, мой разум был звонко чист, пока я упоённо вспоминал про бабушку с её гренками и прохладным чаем в бутылке-ракете из-под кефира, про холмы, утопающие в ковьях, про охоту на ящериц и кузнечиков, про рыбалку с отцом и то время, когда мы с ним ещё могли весело шутить друг над другом и смеяться. Но потом я вспомнил последние годы отца и наше взаимное разочарование, перешедшее в глухую непримиримую вражду, и...

– Кто ты, спаситель?

– Человек.

– Куда ты идёшь, человек?

– Домой.

– Нет. Тебе туда не надо, ты туда не хочешь. Ты хочешь помириться с отцом?

– Но он умер.

– Разве?

– Не знаю.

– Подумай.

– Нет... наверное...

– Пойдём, я знаю куда идти, я помогу вам. Ты хочешь этого?

– Да...

«...ловек! Человек! Максим Валерич! Максим! Максим! Макс! Максимушка... Миленький...» – я вынырнул из-за пелены и увидел, что иду в противоположном от подъезда направлении, успев удалиться уже на полсотни метров. Фея вылетела из банки и тарбанит меня своими кулачками прямо в полуприкрытые веки, и истошно пищит.

– Что это?

– Ты рассказывал про то, как твой отец показывал смешные рожицы, помнишь. И про солдатиков. Помнишь?

– Д-да...

– Продолжай. Мне очень интересно! Продолжай, Максим Валерич!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.